

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 11, No. 3, pp. 141-149, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94 (47)

The Social Policy of the Authorities in the Don Cossack Host during the Civil War

Olga V. Rvacheva

Volgograd branch RANHiGS, Russian Federation
PhD (History)
E-mail: olgarvacheva@mail.ru

Abstract

This article, based on archive materials and published documents, examines the activity of the Don authorities in the area of social relations and social support of the population of the Province of the Don Cossack Host during the Civil War. The author analyzes the reasons behind the conflict between the province's Cossack and non-Cossack population and the policy of Don ataman P.N. Krasnov and the government in respect of these social groups. The author also examines the achievements and failures of the Don authorities in terms of organizing and managing the social sphere amid the military conflict.

Keywords: Don Cossack Host; peasantry; non-Cossacks; Cossack authority; social policy; social conflicts.

Введение

Социальным аспектам существования антибольшевистских режимов периода Гражданской войны уделялось намного меньше внимания по сравнению с исследованиями военных и политических событий в антибольшевистском лагере. Задачей исследователей в советский период являлось, прежде всего, доказательство потенциальной обреченности таких режимов на проигрыш в противостоянии с советской властью.

В постсоветский период социальным и экономическим проблемам антибольшевистских режимов стали уделять больше внимания. Анализировалась связь экономических проблем с социальными конфликтами и политическими действиями властей, вопросы инструментальной эффективности власти и влияния на нее особенностей социального бытия населения [1]. В последнее время появились работы по исследованию повседневной жизни людей в условиях Гражданской войны [2].

Проблемы изучения социальной политики власти и вообще социальной сферы антибольшевистских режимов лежат, на наш взгляд, в нескольких областях. Первая – сфера источников. Дело здесь не только в сохранности и наличии документов, но и в том, что антибольшевистские власти решали, прежде всего, военно-политические задачи. Отсюда «добывание» фактов о жизни общества часто заключается во внимательном прочтении документов, относящихся к сугубо военной сфере, как например военные сводки и донесения. Вторая область проблем – тесное переплетение социальных, экономических и политических вопросов, когда, например, решение земельных проблем или сохранение

социальных привилегий казаков оказывали сильное воздействие на социальный мир в казачьих областях. И, наконец, третья область – время существования антибольшевистских режимов. Краткий период деятельности всех их затрудняет не только объективность оценки действий, но часто не позволяет даже провести историческую реконструкцию деятельности властей в социальной сфере, реакции населения и пр. Задача, которую поставил перед собой автор данной статьи, заключается в восстановлении картины социальных мероприятий власти казачьего государства в во время Гражданской войны.

Материалы и методы

В период Гражданской войны на юге России сложился антибольшевистский лагерь территориальной, военной и социальной базой которого стали казачьи войска. Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска не только поддержали антибольшевистское выступление Добровольческой армии, но и сформировали военно-политические режимы, важнейшими целями которых являлись борьба с большевиками и сохранение самостоятельности и обособленности казачьих территорий в новых политических условиях. Наиболее успешно и динамично развивающейся государственно-политической системой среди казачьих войск стало Донское войско, получившее в мае 1918 г. название «Всевеликое Войско Донское» (ВВД). 4(17) мая 1918 г. была принята первая редакция Основных законов, своеобразная конституция ВВД, в которой были сформированы основные принципы донской государственности. Созданному правительству – Совету Управляющих – предстояло решить массу вопросов, в том числе и по разработке системы действий в социальной сфере. Обязанности по решению социальных проблем были возложены на Отдел внутренних дел. Представленный управляющим этого отдела отчет на Большом войсковом круге, позволил оценить эффективность принятых мер и разработать проекты дальнейших действий.

Кроме этого, на социальные аспекты обращалось внимание и в ходе разработок военно-политических планов ВВД. К таким аспектам относилось нежелание казаков воевать за границами Войска Донского, желание сохранять свой привилегированный статус, реакция неказачьего населения на действия казачьей власти и казаков. Указы и распоряжения атамана и правительства, так или иначе затрагивавшие социальную сферу, формировали направление социальной политики, показывали населению отношение власти к разным социальным группам и вызывали их ответную реакцию.

Обсуждение и результаты

Политические и экономические процессы, происходившие в Донском войске в 1918 г., свидетельствовали об успехах управления и о том, что политический режим атамана П.Н. Краснова, первого атамана ВВД, поддерживало население. Однако если политические и экономические задачи были обширны и требовали значительных усилий, то в социальной сфере к этому добавлялась еще одна проблема – давний внутренний социальный конфликт между казачьим и крестьянско-иногородним населением Донской области. Социальный мир был необходим, но также необходимо было сохранить боевой дух казачества – главной военной силы ВВД, отстаивавшей, прежде всего, сохранение своих приоритетных прав военно-служилого сословия. Решение этой сложной дилеммы и стало важнейшей задачей власти в Донской области. Кроме этого необходимо было решать и такие социальные задачи как работа образовательных и медицинских учреждений, выплата социальных пособий нуждающимся семьям, выплата пособий по безработице, оказание материальной помощи разрушенным в результате военных действий хозяйствам жителей области и тому подобные текущие проблемы.

Конечно же, социальная политика в общем спектре задач Донского государства в 1918 г. имела характер подчиненный и второстепенный по отношению к задаче обороны области. И как уже было сказано, она фокусировалась на сохранении стабильности общественной системы. Камнем преткновения здесь являлись конфронтационные отношения казачьей и крестьянской групп населения.

Всевеликое Войско Донское было казачьей республикой. Попытки установления совместного с неказачьим населением управления Донской областью (формирование так

называемого «паритетного правительства», в котором казаки и неказики были представлены равным количеством членом) времен атамана А.М. Каледина канули в лету.

Первый, собравшийся после начала весной 1918 г. антибольшевистского восстания высший орган казачьего управления Войсковой Круг – Круг Спасения Дона состоял из представителей казачьих отрядов и освобожденных от большевиков станиц. Государственными атрибутами Донской республики стали: старинная печать и герб Донского войска, изображающий нагого донского казака верхом на бочке в папахе, при шашке и ружье, позже этот герб будет заменен также старинным казачьим гербом – еленем, пронзенным стрелой, гимном республики станет войсковая казачья песня «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...» [3]. Только три цвета флага Донской республики напоминали о том, что на Дону живут казаки, русские (крестьяне) и калмыки. В «Основных законах» ВВД от 4(17) мая 1918 г. было положение «О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого Войска Донского» [4]. Еще более явным казачий характер власти стал после созыва Большого Войскового Круга в августе 1918 г. Высшими органами власти и управления объявлялись Войсковой Круг, состоящий из казаков и атаманов, который избирался из казаков [5].

Сохранение привилегированного положения казачества приводило к формированию негативных тенденций в развитии взаимоотношений двух групп населения области, при ярко выраженном подчиненном положении одной из них, служило стимулом перехода политических симпатий крестьян к большевикам.

Разведсводки, рапорты и отчеты Осведомительного отдела ВВД в 1918 г. периодически доносили о переходе крестьян к большевикам в районах, близких к боевым действиям. Отношения с казачеством обострялись, что приводило к периодическим актам возмездия со стороны последнего, выражавшегося либо в ходатайстве о выселении сел-соседей, в свое время сотрудничавших с советской властью, либо в решениях о наложении на них контрибуции, вследствие приписываемых им разрушений, произведенных в казачьих станицах и хуторах. Так, атаман Черкасского округа докладывал войсковому атаману в августе 1918 г. о трениях между казаками и крестьянами ст. Кагальницкой по поводу розыска и отображения разграбленного крестьянами имущества казаков. Атаман отмечал, что казаки имели «...хотя не законную, но основательную причину поступать так, т.к. близ лежащие поселения иногородних...были яркими приверженцами советской власти, оказывали давление на казаков, принимали активное участие в рядах красной гвардии против казачества, сожжение и разграбление станицы казаки приписывают только этим селам, считают их вредными соседями, которые смирились только благодаря тому, что были побеждены» (*здесь и далее сохранена пунктуация и стилистика документа – О.Р.*) [6].

Иногда эта конфликтность выливалась в открытое противостояние, как это произошло в случае с жителями с. Койсуг, отказавшимся подчиниться казакам и в результате столкновения потерявшим убитыми и ранеными 47 чел. [7]. Сводки агентов Осведомительного отдела ВВД доносили информацию о периодическом обострении отношений между казаками и иногородними. Так, в одной из сводок говорилось, что рознь коснулась даже школы, где «ученики-казачата и учительница называли крестьянских детей красногвардейцами <...> (х. Солёный Заплавской станицы)» [8]. Подобные инциденты давали повод к распространению слухов о «поголовном ненавистном» отношении всех казаков ко всем крестьянам без разбора.

Часто фиксировалось недовольство крестьян своим земельным положением, казаки же, в свою очередь, противились изменению сложившегося положения, когда практически вся земля в области находилась во владении казаков. Так, агенты Осведомительного отдела доносили, что «...выясняются недоброжелательные взаимоотношения между казачьей и иногородней частью населения на почве проведения в жизнь земельного закона. Казачество привыкло считать землю Войска донского своей и находит несправедливым, то, что иногородние часто сочувствующие большевикам, получают равные наделы с казаками...» [9].

Приказ атамана от 25 июля 1918 г. был нацелен на успокоение крестьянского населения по поводу слухов о том, что «...казаки вместе с калмыками и татарами уничтожают в области все неказачье население и идут с той же целью войной на соседние губернии» [10]. Под влиянием подобных слухов крестьянское население начинало уходить

из пределов Войска и уничтожать свою собственность, дабы она не досталась неприятелю. Нерешенность проблемы крестьянского населения приводила к дальнейшим конфликтам их с властью и усилению давления властных структур на этот слой.

Политика атамана в отношении неказачьего населения отличалась систематическим урезанием их прав. При обмене военнопленными с Германией, в первую очередь, обменивались казаки; ходатайства же об освобождении военнопленных неказачьего происхождения временно оставались «без движения» [11]. Приказом от 3-го июня была ограничена свобода передвижения по Области иногороднего населения; въезд на территорию Войска разрешался только казакам, уроженцам Донской области. Приказом П.Н. Краснова от 30 июля (12 августа) 1918 г. определялся приоритет назначения на административные должности в ВВД в отношении казаков-офицеров перед офицерами неказачьего сословия. Атаман в приказе отмечал: «... я считаю себя нравственно обязанным такие должности предоставить, прежде всего, донским казачьими офицерам, как национальным представителям этого войска, пролившим кровь за свой родной Дон и потому приказываю в дальнейшем все административные должности в ВВД предоставлять только донским казачьим офицерам; оставаться на указанных должностях из офицеров неказачьего сословия могут только те, которые принимали активное участие в борьбе с красногвардейцами и признаны после этого из-за ранения не способными к строевой службе» [12].

Пытаясь дать казакам передышку на фронте, Краснов заменял их призывами крестьян и калмыков. Однако крестьянское население часто просто бойкотировало призыв. Например, крестьяне Донецкого округа отказались исполнять приказ атамана о формировании из иногороднего населения Черкасского, Донецкого и II-го Донского округов 3-х стрелковых полков, что, в свою очередь, повлекло за собой репрессии со стороны властей вплоть до массового выселения крестьян с семьями за пределы области с последующей конфискацией имущества [13]. Со стороны же неказачьего населения в ответ на силовую политику властей конфронтация также нарастала.

Иногда противодействие было столь сильным, что атаман сам отказывался от набора крестьян и иногородних в Донскую армию. В Таганрогском округе, например, из-за преобладания крестьянского населения были случаи массового дезертирства и злостной агитации. Некоторые были даже расстреляны, а призыв возрастов 18, 19, 20 лет прекращен с заменой военным налогом в 250 руб. с каждого отказавшегося [14]. Жители округа были предупреждены, что в следующий раз они будут лишены права на землю, а уже имеющуюся власти конфискуют с последующим выселением за пределы Области [15].

Конфликтные отношения Донской власти с неказачьим населением области сохранялись и в 1919 г. Причиной этому опять-таки являлся его отказ участвовать в боевых действиях на антибольшевистском фронте. Как следствие этого, сохранялись и принудительные меры воздействия власти ВВД на неказачье население, заключавшиеся в мобилизации семей дезертиров для исполнения трудовой повинности, лишения их гражданских прав и земельного надела, взятии на фронт следующих по возрасту мужчин из семей дезертиров, и, наконец, в контроле над хуторской и сельской администрацией на предмет укрывательства дезертиров [16].

Одной из мер, призванных снять социальное напряжение в области, должен был стать специальный закон о принятии в донские казаки и об исключении из казачьего сословия. Принятый в сентябре 1918 г. на Большом Войсковом Круге закон предусматривал принятие в казачество отдельных лиц, семей и даже волостных и сельских обществ [17]. Номинально это давало возможность получения земли на правах казаков, но одновременно возникали жесткие обязательства в отношении воинской службы. Практика показала, что в казаки принимали реже, чем исключали из них. В отчете управляющего Отделом внутренних дел говорилось, что с мая по август 1918 г. исключено из казачества было 1300 казаков, а принято «за активное участие в борьбе против красной гвардии и за общепольную деятельность на Дону» 1068 иногородних [18].

Ориентация власти на казачье население, с одной стороны, и попытка достижения общественного равенства, с другой, имели логическое объяснение и право на применение в реализации политического курса власти ВВД. В первом случае это давало власти сплоченную социальную базу. Во втором случае достигалась относительная стабильность в

обществе и промежуточная цель сведения к минимуму межсословных обид. Ни атаман П.Н. Краснов, ни атаман А.Ф. Богаевский никак не могли занять твердую позицию в этом вопросе, двигаясь в русле политики «шаг вперед, два шага назад». Власть то объявляла об отмене сословных привилегий и уравнивании в гражданских правах всего населения области, то вновь подвергала неказачье население жесткому надзору, граничившему с репрессиями.

Решения других социальных вопросов в ВВД, находящемся в состоянии постоянного ведения боевых действий, не были системными. Однако власти по мере возможности пытались реализовывать политику материальной помощи пострадавшим от военных действий. Так, например, была организована выплата различного рода материальной помощи казакам за реквизированное или утраченное имущество и лошадей. Выплата за лошадь составляла 500–550 руб. Дополнительно к ней прибавлялось 325 руб. за имущество, в зависимости от того, что именно было утрачено или реквизировано, начиная от 500 руб. по нисходящей за реквизированный велосипед до 27 руб. за личные вещи [19]. Правительство пыталось поддержать казачье население выдачей единовременных ссуд и различного рода вспомоществований пострадавшим от Гражданской войны. Пособие семьям мобилизованных казаков на 1919 г. должно было составить 30 000 руб. Однако оно не распространялось на молодых казаков, призванных в постоянную армию [20].

Выделялись средства округам, особенно пострадавшим в ходе боевых действий. Речь шла, прежде всего, о трех верхнедонских округах. Хоперский округ получил к августу 1918 г. 1 500 000 руб.; Усть-Медведицкий – 750 000 руб.; 2-ой Донской – 1 000 000 руб. и т.д. [21] Указанные суммы складывались в основном из подсчетов разрушений в том или ином округе за время боевых действий. Три указанных округа находились под контролем красных дольше других, и разрушения здесь были гораздо значительнее, чем по другим округам.

В больницы области, ведущей боевые действия, шел постоянный приток раненых. Для их размещения на довольствии военно-санитарного управления, курирующего эту сферу, находилось, по данным на начало 1919 г., 89 лазаретов [22]. Из них крупных было не более 33. Однако и это количество содержалось с трудом. Доклад по расходной смете военно-санитарного управления Войска Донского за 1918 г. показывает состояние лечебных заведений в Ростове-на-Дону и Новочеркасске. В первые месяцы налаживания медицинского обслуживания количество служащих и количество больных в некоторых лазаретах выражалось в соотношении 1:3, что естественно влекло за собой большие денежные затраты на жалование персоналу [23]. Небольшая выдержка из доклада по Военно-санитарному управлению дает представление о состоянии дел в военных госпиталях г. Ростова-на-Дону: «... В комнатах сестер адский холод, все 4 сестры в теплых пальто... В период отсутствия угля не топили даже в палатах для больных. Далее оказалось, что в тифозном отделении нет дежурного врача. В момент инспектирования госпиталь был на руках 4-х сестер, которые кажется, несут свою ... работу бессменно. Больных в отделении 150 человек ...» [24].

Для поддержания здравоохранения разрешено было открывать лазареты на средства станичных и иных обществ. В частности, открытием небольших больниц, приемных покоев и содержанием в них медицинского персонала занимались донские земства. Они поддерживали и народное образование, увеличивая жалование учителям и расходы на хозяйственные нужды [25]. В отчете управляющего Отделом внутренних дел, представленного им к августовской сессии 1918 г. Большого Войскового Круга, говорилось об увеличении окладов жалования земскому медицинскому персоналу, открытии нескольких новых фельдшерских пунктов в юртах станиц, увеличении кредитов на содержание земских лечебных заведений.

Задачи по народному образованию сводились к двум основным пунктам: выведению школ из состояния разрухи и открытию как можно большего количества учебных заведений. Первым распоряжением Отдела народного просвещения* стала отмена всех приказов советской власти и устранение изменений, введенных в жизнь школы декретами большевиков. Ко времени предоставления Отделом отчета о проделанной работе на

* Отдел народного просвещения, также как и Отдел торговли и промышленности выполняли функции министерств в системе исполнительной власти Всевеликого войска Донского.

Большой Войсковой Круг в августе 1918 г. в области открылось 1450 школ, 3 высших учебных заведения (Археологический институт, Кооперативный институт и Коммерческий институт), 14 гимназий и лицеев, 6 общеобразовательных курсов для взрослых [26]. При этом на государственные средства открывались только станичные и хуторские учебные заведения, в городах же школы содержались на частные средства.

Необходимость разработки законоположений по урегулированию и охране всех отраслей труда отмечалась еще Временным донским правительством. Его же постановлением от 3(15) мая 1918 г. вводился на предприятиях области 8-ми часовой рабочий день при 3-х сменной работе [27]. Впоследствии этими вопросами стал заниматься Отдел торговли и промышленности. В январе 1919 г. Отдел торговли предложил властям разработанные им положения по рабочему законодательству, предусматривающие в числе прочих мер установление 6-ти часового рабочего дня для малолетних, запрет на труд малолетних и женщин в ночное время, а также осуществление контроля над фактическим соблюдением 8-ми часового рабочего дня [28]. Кроме того, планировалось разработать правила о страховании рабочих от несчастных случаев. С января 1919 г. шла разработка Положения о биржах труда и страховании от безработицы. Возрастной ценз на получение пособия тут понижался до 14 лет [29]. Однако введенная система пособий по безработице имела и свою негативную сторону. Сумма пособия составляла 3 руб. в день на взрослого, 1 руб. 75 коп. на подростка до 16 лет и по 1 руб. на членов их семей. Таким образом, сумма пособия в месяц на неработающего взрослого составляла 90 руб. в месяц [30]. Для сравнения, пеший стражник окружной милиции Ростовского округа получал 100 руб. в месяц, а санитар в больнице – 40 руб. в месяц [31]. В результате отмечалась порочная практика записи в безработные для получения пособия, однако, как правило, работу искать такие безработные не хотели.

Выводы

В целом к середине 1918 г. в Донском войске смогли достаточно успешно (насколько это вообще возможно в условиях Гражданской войны) справиться со многими задачами социальной сферы. Отчет управляющего Отделом внутренних дел дает обстоятельную картину тех действий, которое проделало правительство, решая огромный спектр задач. В нем были представлены подробное описание работы почтовой службы, выявленные проблемы и проекты их решений; рассмотрено состояние богоугодных заведений (дома умалишенных, женские и мужские богадельни, сиропитательный дом, родильный приют). Было отмечено, что увеличены средства на их содержание. Представлены отчеты по состоянию ветеринарии, ремонту земских зданий, переселении казаков из станицы в станицу, образовании новых округов. Кроме этого были представлены отчеты по таким вопросам как зачисление в казачье сословие и исключение из него, о выселении иногородних, об организации станичной власти и судопроизводства [32].

Все эти меры позволили стабилизировать социальную обстановку на Дону, привлечь казачество и отчасти неказачье население на сторону власти ВВД. Сводки Донского Отдела осведомления, фиксировавшие настроения населения с мая по август 1918 г., говорят о политической активности казаков, поддержке ими своей власти. В отношении властей в сводках нередко встречались такие слова как «положительное», «доверчивое», «сочувственное», «устойчивое», свидетельствовавшие о приятии казачьих войсковых структур. Так, например, в ст. Мариинской и Константиновской I-го Донского округа в начале июня заявили, что «ждут помощи от Войска»; в ст. Скуришенской Усть-Медведецкого округа хотели скорейшего созыва Большого Круга; в ст. Есауловской II-го Донского округа в конце июня хуторские атаманы собрались для изучения текущих вопросов управления и законодательства ВВД; в ст. Елисаветовской Ростовского округа произвели выборы в состав окружного круга, а в ряде станиц Донецкого и хуторов Таганрогского округов констатировали успешность выборов своих депутатов на БВК [33].

Таким образом, по крайней мере, на период работы Большого Войскового Круга в августе-сентябре 1918 г. можно говорить о достаточно успешной политике донской власти в сфере социальной поддержке населения и социальной ориентации власти на казачество как основную военную силу Донской республики. Однако дальнейшие события показали, насколько сильно социальная политика зависела от военно-политических событий на юге

России. Военные неудачи, внутривластный кризис, связанный с уходом атамана П.Н. Краснова, пошатнули государственную стабильность ВВД. Последующие события, связанные с проигрышем антибольшевистских сил юга России и установлением советской власти показали насколько сильно социальный конфликт казаков и крестьян повлиял на последующее положение казачества в советской республике, когда из привилегированного сословия оно превратилось в социально-униженную группу.

Примечания:

1. Венков А.В. Донское казачество в гражданской войне (1918–1920). Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992, 128 с.; Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград: Изд-во ВАГС, 1997. 158 с.; Зимица В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград: Изд-во ВАГС, 1997. 485 с.; Гражданская война на Юге России: новые подходы, открытия, находки. Материалы научной конференции в Челябинске 19–29 апреля 2002 г. Москва: «Посев», 2003. 170 с.; Почешхов Н.А. Социально-экономические и военно-политические проблемы в северо-западных районах Юга Европейской России в период Гражданской войны (1917–1921 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 256 с. и др.
2. Хлынина Т.П. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005. 63 с.; Морозова О.М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д: изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.
3. Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. М., 1992. Т. 5. С. 194.
4. Там же.
5. Положение о Войсковом Круге от 24 августа 1918 г. // Донская летопись. Издание Донской исторической комиссии. Белград, 1923. № 1. С. 312.
6. Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. 46. Оп. 2. Д. 38. Л. 26.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39456. Оп. 1. Д. 60. Л. 87.
8. ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 35. Л. 19.
9. Там же. Л. 8.
10. Там же. Д. 22. Л. 56.
11. Сборник узаконений и распоряжений правительства Всевеликого Войска Донского. Вып. 1–5. Новочеркасск, 1918. Вып. 2. С. 51.
12. ГАРО. Ф. 46. Оп. 2. Д. 22. Л. 73.
13. Там же. Л. 111; Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел Всевеликого Войска Донского за время между сессиями 1-й и 2-й сессий Круга (сентябрь 1918–январь 1919 гг.). Б.м., Б.г. С. 37.; Сборник узаконений... Вып. 3–4. С. 171.
14. Сборник узаконений... Вып. 5. С. 378–379.
15. Там же. С. 379.
16. Государственный архив волгоградской области (ГАВО). Ф. 6611. Оп. 1. Д. 9. Л. 58.
17. Закон о принятии в донские казаки, об исключении из донского казачества и выселении из пределов Донского войска. Принят Большим Войсковым Кругом Всевеликого войска донского 19 сент. 1918 г. // Сборник законов, принятых Большим Войсковым Кругом Всевеликого Войска Донского 4-го созыва, в 1 сессию 15 авг. – 20 сент. 1918 г. Новочеркасск, 1918.
18. Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел... С. 36.
19. РГВА. Ф. 39456. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–2; Л. 21–30.
20. Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел... С. 45.
21. Там же.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 106.
23. Там же. Л. 105.
24. Там же.
25. Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел... С. 29, 31–32.
26. Краткий доклад Большому Войсковому кругу Всевеликого Войска Донского. Отдел народного просвещения. Ч. I. Б.м., б.г. С. 5–6.
27. ГАРФ. Ф. 1257. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
28. Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 109. Л. 6 (а).

29. Приазовский Край. 1919. 4. (17) янв.
30. Там же.
31. ГАРФ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 36. Л. 106; Д. 33. Л. 10.
32. См.: Отчет Войсковому Кругу о работе отдела внутренних дел...
33. Восприятие власти антибольшевистского Дона в массовом сознании казачества (1918 г.) // Казачество России: история и современность. Тезисы Международной научной конференции. г. Геленджик 8–11 октября 2002 г. Краснодар: б.и., 2002. С. 79–81.

References:

1. Venkov A.V. Donskoe kazachestvo v grazhdanskoj voine (1918–1920). Rostov n/D: Izd-vo Rostov. un-ta, 1992, 128 s.; Vsevelikoe Voisko Donskoe v 1918 godu. Volgograd: Izd-vo VAGS, 1997. 158 s.; Zimina V.D. Beloe dvizhenie i rossiiskaya gosudarstvennost' v period Grazhdanskoj vojny. Volgograd: Izd-vo VAGS, 1997. 485 s.; Grazhdanskaya vojna na Yuge Rossii: novye podkhody, otkrytiya, nakhodki. Materialy nauchnoj konferentsii v Chelyabinske 19–29 aprelya 2002 g. Moskva: «Posev», 2003. 170 s.; Pocheshkhov N.A. Sotsial'no-ekonomicheskie i voenno-politicheskie problemy v severo-zapadnykh raionakh Yuga Evropejskoj Rossii v period Grazhdanskoj vojny (1917–1921 gg.). Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 2006. 256 s. i dr.
2. Khlynina T.P. Stranitsy sotsial'noi istorii sovetskoj Adygei: povsednevnyaya zhizn' naseleniya oblasti v 1920-e gg. Maikop, 2005. 63 s.; Morozova O.M. Antropologiya Grazhdanskoj vojny. Rostov n/D: izd-vo YuNTs RAN, 2012. 560 s.
3. Krasnov P.N. Vsevelikoe Voisko Donskoe // Arkhiv russkoj revolyutsii. M., 1992. T. 5. S. 194.
4. Tam zhe.
5. Polozhenie o Voiskovom Kruge ot 24 avgusta 1918 g. // Donskaya letopis'. Izdanie Donskoj istoricheskoi komissii. Belgrad, 1923. № 1. S. 312.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO) F. 46. Op. 2. D. 38. L. 26.
7. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA). F. 39456. Op. 1. D. 60. L. 87.
8. GARO. F. 46. Op. 2. D. 35. L. 19.
9. Tam zhe. L. 8.
10. Tam zhe. D. 22. L. 56.
11. Sbornik uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva Vsevelikogo Voiska Donskogo. Vyp. 1-5. Novocherkassk, 1918. Vyp. 2. S. 51.
12. GARO. F. 46. Op. 2. D. 22. L. 73.
13. Tam zhe. L. 111; Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del Vsevelikogo Voiska Donskogo za vremya mezhdru sessiyami 1-i i 2-i sessii Kruga (sentyabr' 1918–yanvar' 1919 gg.). B.m., B.g. S. 37.; Sbornik uzakonenii... Vyp. 3-4. S. 171.
14. Sbornik uzakonenii... Vyp. 5. S. 378–379.
15. Tam zhe. S. 379.
16. Gosudarstvennyi arkhiv volgogradskoi oblasti (GAVO). F. 6611. Op. 1. D. 9. L. 58.
17. Zakon o prinyatii v donschie kazaki, ob iskluchenii iz donsogo kazachestva i vyselenii iz predelov Donskogo voiska. Prinyat Bol'shim Voiskovym Krugom Vsevelikogo voiska donsogo 19 sent. 1918 g. // Sbornik zakonov, prinyatykh Bol'shim Voiskovym Krugom Vsevelikogo Voiska Donskogo 4-go sozyva, v 1 sessiyu 15 avg. – 20 sent. 1918 g. Novocherkassk, 1918.
18. Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del... S. 36.
19. RGVA. F. 39456. Op. 1. D. 255. L. 1–2; L. 21–30.
20. Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del... S. 45.
21. Tam zhe.
22. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 104. Op. 1. D. 36. L. 106.
23. Tam zhe. L. 105.
24. Tam zhe.
25. Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otdela vnutrennikh del... S. 29, 31–32.
26. Kratkii doklad Bol'shomu Voiskovomu krugu Vsevelikogo Voiska Donskogo. Otdel narodnogo prosveshcheniya. Ch. I. B.m., b.g. S. 5–6.
27. GARF. F. 1257. Op. 1. D. 1. L. 11.
28. Tam zhe. F. 104. Op. 1. D. 109. L. 6 (a).
29. Priazovskii Krai. 1919. 4. (17) yanv.

30. Tam zhe.

31. GARF. F. 104. Op. 1. D. 36. L. 106; D. 33. L. 10.

32. Sm.: Otchet Voiskovomu Krugu o rabote otдела vnutrennikh del...

33. Vospriyatie vlasti antibol'shevistskogo Dona v massovom soznanii kazachestva (1918 g.)

// Kazachestvo Rossii: istoriya i sovremennost'. Tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. g. Gelendzhik 8–11 oktyabrya 2002 g. Krasnodar: b.i., 2002. S. 79–81.

УДК 94 (47)

Социальная политика власти в Войске Донском в период Гражданской войны

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Кандидат исторических наук

E-mail: olgarvacheva@mail.ru

Аннотация

В статье на основе архивного материала и опубликованных документов рассматривается деятельность донской власти в сфере социальных отношений и социального обеспечения населения Донской области в период Гражданской войны. Анализируются причины конфликта казачьего и неказачьего населения области, политика донского атамана П.Н. Краснова и правительства в отношении этих социальных групп. Также рассматриваются достижения и неудачи донских властей по организации и обустройству социальной сферы в условиях военного конфликта.

Ключевые слова: Всевеликое Войско Донское; донское казачество; крестьянство; иногородние; казачья власть; социальная политика; социальные конфликты.